

Переворот генерала Дудаева и начало сепаратизма в Чеченской Республике глазами очевидца

Автор: Г. В. ЗАУРБЕКОВА

Глобализация неоднозначно воздействует на устойчивость культурной дифференциации человечества, ибо сочетает в себе разнонаправленные макросоциальные процессы: унификацию (или вестернизацию) культурных норм и воспроизводство культурной специфики. Второму процессу мы обязаны ревитализацией на микросоциальном уровне старых и возникновением новых форм традиционной солидарности: этнической, конфессиональной, региональной, земляческой и пр. Сопутствующее этому усиление миграционных процессов делает практически неизбежным столкновение культур: обострение межгрупповых отношений на почве национализма, религиозная или расовая ненависть приобретают поистине глобальный характер. При этом, начиная с последней четверти XX в., в научно-экспертном сообществе нашей страны и государств совокупного Запада стало доминирующим мнение, будто угроза развития межэтнического взаимодействия по конфликтному сценарию связана исключительно с этно- и прочими фобиями большинства, интолерантность которого в отношении любых форм инаковости - основное препятствие устойчивому развитию социума. Реально же существующие у групп меньшинств этнонационализм, нетерпимость, нежелание некоторых их представителей считаться с принятыми в данной стране (регионе, локусе) нормами трактуется в духе фрейдизма как некие извинительные, "подростковые" издержки социальной адаптации в непривычном или гетерогенном окружении. И это - в лучшем случае, а в худшем - используется модификация австромарксистской доктрины о самоопределении наций, *a priori* подразумевающая право угнетаемого этноса-меньшинства любыми средствами бороться с колониализмом, имперским доминированием и иными "происками" большинства. К слову, вопреки многочисленным фактам, в изобилии поставляемым постсоветской историей, такой позиции до сих пор придерживаются отдельные российские правозащитники.

В подобном контексте предлагаемое вниманию читателей интервью **Г. Заурбековой**, несомненно, будет представлять интерес для читателей "ОНС". Чеченка по происхождению, этносоциолог по образованию, она волею обстоятельств пережила антигосударственный переворот, осуществленный в 1991 г. сторонниками генерала Д. Дудаева, и начало первой чеченской кампании у себя дома - в тогда еще Чечено-Ингушской АССР (ЧИ АССР). Ее анализ начальной фазы чеченского кризиса ценен тем, что это - взгляд очевидицы тех трагических событий, методом включенного наблюдения собравшей свидетельства манипулирования сепаратистами общественным сознанием и описавшей механизмы управления поведением больших масс людей. Эти факты, возможно, помогут лучше понять, какую опасность в наше время для любой страны представляет социально-психологический феномен агрессивной этнической мобилизации, даже если таковая осуществляется среди небольшого по численности народа.

Заурбекова Галина Висаевна - кандидат исторических наук, доцент Чеченского университета (Грозный), докторант Института этнологии и антропологии РАН.

ОНС: Прошло уже полтора десятилетия с начала трагических событий в Грозном, свидетельницей которых вам довелось стать. Когда смотришь российскую аналитику тех лет, возникает впечатление о некоем объективном перетекании процесса демократизации в Чечено-Ингушетии сначала в движение за национальное возрождение и только потом - в сецессию. В этой связи мятеж генерала Дудаева как бы приобретает черты ужасной, но закономерной фазы упомянутого процесса. Было ли это действительно так?

Г. З.: Я хотела несколько скорректировать ваш вопрос: вы употребили выражение, подразумевающее самопроизвольное перерастание уличной демократии в нечто большее. Мне кажется, более правильно было бы говорить об антиконституционном, насильственном захвате власти, о сценарии мятежа, который был спланирован и корректировался в процессе реализации. Попробую ответить с учетом этой поправки.

Так вот: то, что тысячи людей нашей республики в результате распада СССР и полного обвала экономики были ввергнуты в нищету и отчаяние, лишившись работы, возможности выезда на сезонные приработки, - словом, всех средств существования, - объективный факт. И он стал тем социальным фоном, на котором происходили события в ЧИ АССР, получившие название "чеченский сепаратизм". И они-то, несомненно, имели своих "режиссеров" и набросок "сценария", в который вносились изменения по ходу самого действия, внешне похожего на спектакли, которые ставили на сценических подмостках футуристы и конструктивисты в первые годы после Октябрьской революции в России.

ОНС: Расскажите, как начинались уличные события?

Г. З.: Внешне схожие с карнавалом, они происходили одновременно на главных площадях города, центральных улицах, базарах. Вся республика стала сплошной сценической площадкой: аршинные лозунги на стенах домов, крышах, заборах; уличные шествия под новыми разноцветными флагами; нескончаемые митинги, бурлящая толпа, возбуждаемая слухами, зажигательными речами. Казалось, все население республики превратилось в зрителей, слушателей, демонстрантов... Улицы заполнялись невиданными здесь ранее экзотическими шествиями "масок". Люди полностью раскрепостились: кто-то выбирал себе роль борца за свободу, кто-то гонителя партноменклатуры, кто-то поборника суверенитета или ревнителя свободы вероисповедания. Почти всегда разворачивавшиеся на улицах и площадях города сцены завершались плясками, шутками и смехом. Молодые уже облачились в камуфляж, отрастили бороды и носили волосы, перехваченные на лбу ленточками с арабской вязью. Кстати, яркие экстравагантные наряды, эпатазирующие публику костюмы - непременный антураж таких театрализованных действий: еще французские революционеры являлись в Конвент, облаченные в древнеримские тоги.

О замысле "режиссеров" - идейных сепаратистов З. Яндарбиева, М. Удугова, нескольких представителей семьи Ахмадовых и самого Д. Дудаева - рядовые участники "спектакля" не знали: каждый играл отведенную ему роль и, в принципе, большинству было безразлично, в чем смысл и назначение постановки. Важным было само митинговое действие, особенно если за него платили. Толпа хотела зрелищ; выступая сначала в роли зрителя, потом сама принималась лицедействовать, вовлекаясь в сценический азарт. Людям было понятно лишь то, что прежние руководители республики - враги уже обреченные, а Дудаев, спустившийся с небес на белых крыльях ангела (по более реалистичной версии - прилетевший на авиалайнере), - истинный спаситель нации. Представителей прежней власти следовало ругать, проклинать, разоблачать, избивать, Дудаева-спасителя - возносить и славить. Некоторые, возможно, догадывались, что все, происходящее в "театре" - великий обман, и их используют в этой игре исключительно в интересах "режиссуры". Но в момент экстаза, который все быстрее охватывал толпу, это не имело, пожалуй, никакого значения. "Представление", устроенное в Грозном, потакало низменным инстинктам толпы: делало людей агрессивными, жестокими, лишало их здравого смысла. Казалось, они - механические роботы, утратившие разум и готовые по первой команде рушить, грабить, убивать. А возглавляемый Удуговым агитпроп

сепаратистов старался представить эти зловещие события так, будто народ "творит сам свою историю", а они только помогают ему во имя его же блага встать на путь правды и свободы. Кроме того, людям внушали, что их антиконституционные по сути своей действия санкционированы с самого верха и руководство демократической России, в отличие от реакционной союзной номенклатуры, на их стороне¹.

По существу, это была опасная игра, от которой ситуация в республике ухудшалась не по дням, а по часам. Большая и невидимая для внешнего наблюдателя машина манипулирования набирала обороты, и все большее число людей утрачивало рассудок, рациональную ориентацию в происходящем.

ОНС: Всех участников тогдашних уличных событий, предшествовавших войне, принято называть сепаратистами. Насколько это соответствует истине?

Г. З.: В том-то и дело, что в количественном исчислении сепаратистов в собственном смысле слова в Чечне до прихода генерала Дудаева было ничтожно мало. И я готова подтвердить это не только собственными наблюдениями.

При режиме путчистов чудом сохранялся небольшой, созданный еще при Грозненском горкоме, Институт социологических исследований, который полулегально продолжал свою работу благодаря энтузиазму его основателя - профессора Э. Исаева. В 1993 г. он провел опрос общественного мнения на предмет, оставаться ли Чечне в составе России или, провозгласив суверенитет, выйти из нее? Опрос был заказан городским собранием Грозного, возглавляемого тогда Б. Гантамировым, и проводился на работающих в тот момент предприятиях и учреждениях, а также по месту проживания респондентов. Естественно, это исследование, по сути осуществлявшееся полулегально, возможно, и не вполне безупречно с методической точки зрения. Но его итоги с поправкой на ситуацию все равно ошеломили: выяснилось, что более 90% опрошенных однозначно высказалось против выхода из Российской Федерации!

Так вот, основной причиной, по которой впервые в истории чеченского народа единственно по политическим мотивам генерал Дудаев расстрелял десятки чеченцев в городском собрании, стал именно тот факт, что абсолютное большинство грозненцев высказалось за равноправные, братские отношения с Россией в составе единого государства. Это было менее чем за полгода до начала войны в Чечне: всего 2% сепаратистов среди респондентов! Опрос показал со всей очевидностью: сепаратистские цели режима Дудаева население в массе своей не разделяло и сепаратисты захватили власть в результате антигосударственного переворота и фальсифицированных выборов.

Так что по привычке допускается большая степень условности, когда простых неискушенных в политике людей, вышедших в тот период на улицы, называют сепаратистами. Сепаратистской была только верхушка: Дудаев, Яндарбиев, Удугов, Ахмадовы, бывший учитель из Шатовского района, артист по образованию, ставший министром иностранных дел непризнанной Ичкерии, - А. Закаев. Но всем вместе им удалось ввести в заблуждение определенную часть населения.

ОНС: А какое у вас тогда, в самом начале чеченской драмы, сложилось впечатление о самом Джохаре Дудаеве? Ведь до сих пор не утихают споры, был ли он подлинным ее организатором или же его, как короля, сделала свита?

Г. З.: Генерал Дудаев не был выразителем дум и чаяний чеченского народа. Он уехал из республики еще в ранней юности, практически всю жизнь прожил вне ее пределов и появился в Чечне уже военным пенсионером. Но он смог, спекулируя на уважении, с которым горцы относятся к высшим воинским званиям, ловко использовать воинское тщеславие какой-то части мужского населения, в том числе и национальные особенности характера чеченцев, их эмоции, особенно, когда люди "сбивались" в большие митинговые толпы.

¹ По свидетельству генерала А. Аслаханова, присланного в Грозный для увещевания сепаратистов, Дудаев хвастался, что у него имеется текст договора с Россией о предоставлении полной независимости Чечне, якобы подготовленного в Центре [Аслаханов, 2004, с. 4 - 5].

Дудаев, несомненно, обладал истероидным складом психики и был прирожденным демагогом. С полным основанием можно сказать, что его отличали незаурядные способности популиста и манипулятора. Он сулил народу золотые горы, если тот поддержит его в борьбе за независимость. В чеченском варианте его выступлений фигурировали еще "золотые краники", из которых в освобожденной им от засилья России Чечне "непрерывно будет течь верблюжье молоко". Таково дословное изложение перспектив чеченского суверенитета, неоднократно слышанное населением республики из уст новоявленного предводителя.

Верхушка сепаратистов "раскручивала" мифы о своем вожде: говорили, что он послан Провидением для спасения чеченцев. Находились даже те, кто "сами видели, как он спускался с небес на белом коне в сопровождении шестикрылых ангелов". Его портреты красовались на фасадах домов, в витринах магазинов, на стеклах автомашин. Под портретами, да и просто на заборах, на стенах домов, появлялись надписи типа "Джохар - мы с тобой", "Джохар - это сила и совесть народа". Имя генерала давали новорожденным, о нем начали слагать стихи, его словечки передавались из уст в уста, восхищались его примитивными и грубыми шутками, чуждыми народному юмору - мудрому и глубоко этичному...

И он, и остальные новые лидеры денно и ночью красовались на телеэкранах, а их амбициозные заявления тиражировались СМИ как в Чечне, так и в Центре. На моих глазах происходила героизация новоявленных вождей "национального освобождения", хотя некоторые из них в недавнем прошлом запятнали себя "стукачеством" или же имели судимости за уголовные преступления. Дудаевцы вкушали славу народных вождей, предвестников предстоящих великих исторических событий, которые дадут чеченскому народу свободу и независимость. Все несогласные с ними должны были исчезнуть: их объявляли продавшимися русским агентам, их освистывали на митингах и грозились "свернуть головы в сторону России". Страсти в уличных шествиях раскалялись настолько, что обиды прошлого воспринимались как злободневная реальность, и люди были готовы крушить все на своем пути. Сознание и психология митинговавших звинчивались до состояния одержимости.

ОНС: То есть вы считаете, что антироссийская карта разыгрывалась мятежниками изначально?

Г. З.: Сначала она присутствовала в завуалированной форме - на фоне апелляции к прошлому, к его реальным и мифическим обидам. Помимо постоянного напоминания о депортации чеченцев в эпоху сталинщины, рядившиеся в облачения национальных освободителей сепаратисты зывали и к образам имамов, боровшихся в XIX в. с царской Россией. Рядовой человек видел на площади фотопортрет Дудаева рядом с изображением шейха Мансура, и его распаленному сознанию представлялось, что бывший генерал советской армии - продолжатель и исполнитель заветов славных предков. Подмена, обман были достаточно грубыми, вульгарными, так как слишком разные это явления: идеология национально-освободительных движений прошлого (формированию которой положил начало шейх Мансур) и дилетантская, эклектичная смесь разрозненных идеологем, точнее, мифологем яндарбиевско-удуговского сепаратистского агитпропа, призванные обмануть людей, увлечь их ложными лозунгами.

Эпоху национально-освободительных движений прошлого вообще невозможно адекватно проецировать на современность. Слишком это несопоставимые, несоизмеримые явления: комплекс идей, воодушевлявших горцев в XIX в. в борьбе за независимость, и демагогия современных идеологов сепаратизма, пытавшихся доказать, что война против России идет уже 400 лет, а сами они - законные продолжатели дела знаменитых героев ушедших столетий. К сожалению, даже столь грубая, примитивная подмена образов и понятий на первых порах срабатывала, оживляя в памяти толпы боль былых обид, вызывая все большее напряжение в межнациональных отношениях.

ОНС: В таком случае уместен вопрос об уровне межнациональной розни и национализма в Чечне до переворота Дудаева. Ведь, как в свое время установил выдающийся

американский этносоциолог Р. Парк, в принципе, любой форме межэтнических контактов при любом уровне взаимодействия присуща потенциальная конфликтность?

Г. З.: Считать чеченский менталитет каким-то особо националистическим или ксенофобным нельзя. Простому народу такого рода настроения были чужды в том смысле, что исторически чеченцы никогда не культивировали неприязнь к другим этносам. Еще на стадии складывания чеченских племен в единое целое они вобрали в себя большое количество этнических групп, проходивших по Предкавказью с эпохи Великого переселения народов. После каждой новой волны завоевателей, уходившей далее на запад, в Европу, здесь оставался значительный иноэтнический компонент, постепенно ассимилируемый чеченцами. Так, до сих пор различают тейпы, ведущие происхождение от алан, болгар, калмыков, кумыков, ногайцев, турок, хевсуров. Позднее, накануне и в период кавказских войн, были ассимилированы группы русских (солдат и староверов) и даже поляков - пленников и перебежчиков.

Исторически чеченцам не было присуще противопоставление себя другим из чувства национальной спеси. Чеченские племена с искренним уважением относились к этносам, с которыми контактировали, а своих детей даже называли именами полководцев, воевавших против горцев, отдавая дань уважения их личному мужеству и отваге. Так, чеченские фамилии Слепцовы (в чеченской транскрипции - Сипсо), Паскачевы (Паскач) происходят от фамилий русских военачальников Н. Слепцова и И. Паскевича. Еще есть фамилии Карташевых, Бугаевых, Богатыревых, а также личные имена Турко, Гумки, Ноги - по этнонимам соответственно турок, кумыков, ногайцев!

Конечно, на уровне бытового взаимодействия возникали взаимные обиды и недоразумения, приобретающие иногда характер устойчивых предрассудков. Но где ж без этого сосуществуют соседи? А русский человек в целом был в народном сознании чеченцев достаточно уважаемым... Словом, русофобии, национализма, сепаратизма в Чечне на уровне массового сознания не было ни в прошлом, ни даже в канун трагического конфликта. Такого рода стереотипы усердно культивировали лишь отдельные неформальные объединения. Первой сугубо националистической чеченской организацией стала Вайнахская демократическая партия, основанная Яндарбиевым. До нее ни у одного движения не было подобной программы, никто не проводил демонстрации под лозунгом "Чечня для чеченцев". Поэтому-то и были предприняты меры к искусственному разжиганию национализма для прикрытия тотального разграбления национального достояния республики и ее богатств.

ОНС: К сожалению, здесь, в Москве подобные вещи тогда рассматривались как неизбежные издержки национального возрождения. Как сказал один известный в ту пору политический деятель, чеченский сепаратист - это Робин Гуд с гранатометом. По-видимому, такие заявления в какой-то мере поощряли дудаевцев?

Г. З.: Новые чеченские правители охотно внедряли в массовое сознание сентенции типа "разрешено все, что не запрещено законом", или "глотаите суверенитета столько, сколько сможете проглотить", намеренно умалчивая, что демократия - это правила и процедуры, а не хаос, анархия и тотальное разграбление страны. Естественно, процессу псевдодемократизации Чечни благоприятствовали попустительство и нерешительность Центра, а также отношение к дудаевскому мятежу части российской общественности как к движению за восстановление национальной справедливости и борьбе с противниками демократических перемен в этом субъекте Федерации.

ОНС: Но ведь были и какие-то еще не разрешенные проблемы национального развития республики? Они, наверное, тоже сыграли свою роль в разогревании чеченского конфликта?

Г. З.: Да, бесспорно, проблемы были. В республике вполне обоснованно говорили о задачах сохранения национального языка, культуры, увеличения времени телевизионного и радиовещания на нем. Такие требования, не выходящие за рамки национально-культурной автономии, были во многом справедливы.

К началу перестройки не только в управленческих структурах, но и в промышленности, особенно в машиностроительной, нефтяной и нефтеперерабатывающей, титуль-

ный этнос был представлен слабо. Это стало одним из следствий депортации чеченцев и ингушей в Казахстан и Среднюю Азию в 1944 г., а также результатом угоднической политики части республиканской администрации, которая демонстрировала лояльность Москве, "оберегая" указанные сферы от "проникновения" туда чеченцев. Так, в столице республики, после ее восстановления в 1957 г., долгое время не было ни одного начальника райотдела милиции или директора школы - представителя коренной национальности. Крайне затрудненным оказался для чеченцев доступ к специальностям врача, вузовского преподавателя, научного сотрудника. Обо всем этом и говорилось на митингах.

Но все-таки данные проблемы начали решать в конце 1980-х гг. в соответствующих административных органах республики, незадолго до начала митинговой демократии. Предпринимались меры по исправлению ситуации: производились кадровые перестановки в партийном руководстве, в системах МВД и народного образования; увеличилось время вещания на чеченском и ингушском языках на республиканском ТВ и радио; открывались соответствующие факультеты в местном университете. Поэтому вскоре после дудаевского переворота обнаружилось, что, говоря о недостаточном представительстве чеченцев в аппарате управления, неформалы имели в виду в первую очередь себя лично.

Хочу обратить внимание: среди проблем национального развития не оказалось ни одной, которую невозможно было бы решить мирным путем, без войны и насилия. Но вместо этого шло откровенное и циничное сраживание народов. Нерешенные проблемы национально-культурного строительства в республике интерпретировались как происки русскоязычной части населения, которая якобы сознательно затрудняет этническую самоидентификацию чеченцев, их самореализацию в области культуры и национально-государственного строительства. В такой интерпретации вся прошлая история республики выстраивалась как сплошное насилие, тотальное подавление коренной части населения. Сепаратистские лидеры, постоянно спекулируя на нерешенных вопросах в этой области, сея подозрительность, недоверие к существующей власти, которая, конечно, не была безупречной, довели дело до войны. В этом их непреходящая вина перед народом.

ОНС: История распада не только СССР, но и СФРЮ, ЧССР, да и всего социалистического пространства Восточной Европы, показывает: вероятность развития этого процесса по конфликтному сценарию и уровень интенсивности конфронтации в значительной степени был обусловлен позицией национальной интеллигенции этих стран. Если в ее среде доминировали подлинно гуманистические ценности, демократический транзит проходил гладко, даже если он сопровождался разделом страны - вспомним пример Чехословакии. Если же интеллектуалы тяготели к так называемым "национальным ценностям", это обычно выливалось в этническую напряженность. Тут перед нами примеры Латвии, в меньшей степени Эстонии. Но мог иметь место и открытый вооруженный конфликт, как в Грузии, Молдавии, Югославии. В связи с этим хотелось бы узнать, как вела себя интеллигенция Чеченской Республики в период дудаевского переворота?

Г. З.: Увы, не всегда достойно. Немалая ее часть встала на защиту "национальных интересов". Так, бывшая преподавательница Грозненского университета, собравшаяся, как она объявила, критически переосмыслить всю западную философию и культуру под углом зрения "национального освобождения человечества", вызвалась организовать музей национальной славы, где предлагала собрать предметы атрибутики боевиков. Ранее эта дама объявляла голодовку, понуждая бывших депутатов Верховного совета ЧИ АССР сдать свои депутатские удостоверения дудаевской власти.

Филологи стали заниматься вопросами государственного строительства, юристы - философией суверенитета. Однако новый режим к *перебежчикам* относился все же с опаской, не доверяя и наказывая при малейшем своеволии. Были случаи, когда пытавшихся высказать свое несогласие по тем или иным частным вопросам выставляли из телестудии прямо во время передачи. И это видели все телезрители. Так что вскоре некоторые рьяные адепты "национально-освободительной войны" из интеллигенции вы-

нуждены были податься... в Россию, Москву, проклиная теперь уже новые чеченские власти и то, чему преклонялись вчера, и воздавая хвалу тому, что хулили прежде.

Среди местных интеллектуалов всерьез обсуждалась идея, что чеченская национально-освободительная "революция" перекинется на весь Кавказ, а потом и на всю страну, что дни России буквально сочтены, что в случае войны с ней чеченские дети будут уничтожать российские танки, бросаясь под них со связками гранат. Трагические последствия этого преступного зомбирования подростков сказались во время военных действий: 14 - 15-летние мальчишки действительно бросались под танки и бэтээры и взрывали их. Детей же лидеров сепаратистов среди них замечено не было: их, включая потомство самого Дудаева, своевременно перебросили в безопасные зарубежные страны. И чем выше был статус того или иного деятеля в иерархической структуре нового режима, тем в более благополучную и отдаленную от горящей чеченской земли страну переправлялись их чада.

А безжалостный Молох пропаганды перемалывал сознание людей, не позволял выйти из состояния дурманящего гипноза. Уже потеряв трех и четырех сыновей в начавшейся вскоре войне, некоторые обращались к Дудаеву с изъявлением готовности отдать ему последнего оставшегося в живых сына. Я лично знала таких людей. Это были зримые результаты помутнения общественного сознания, которое превращало народ в стадо, в толпу, утратившую здравый смысл и понимание происходящего. Кстати, тогда и появились слухи, что по ночам над митингующими совершает свои манипуляции местный экстрасенс...

ОНС: Расскажите, пожалуйста, подробнее, как приводили людей в такое состояние, что они утрачивали способность реально и адекватно воспринимать происходящее?

Г. З.: Нигде так зловеще не появлялась практика манипулирования общественным сознанием, как на массовых митингах начала 1990-х гг. Это был мотор манипуляторской машины, откуда через незримые передаточные механизмы сообщались населению импульсы воинственного возбуждения, переходившие в групповую истерию. Митинговая эпидемия охватила очень многих: люди дневали и ночевали на улицах... Митинг на главной площади имени шейха Мансура длился несколько месяцев. Все это время его активистам раздавали то мыло, то стиральные порошки. В укромные уголки привозили водку. Снабжали и наркотиками, правда, еще более скрытно. Позднее стали раздавать деньги...

Вот - типичная картина одного из тех дней в Грозном. В самом центре города, перед Домом правительства, оцепили огромную площадь. Притащили скамейки из окрестных скверов и стулья из правительственных зданий (кстати, потом все это украли), расставили, как в театральном партере - огромным полукругом с центром на крыльце бывшего Совета министров, а на нем, как раз под козырьком, соорудили помост. В центре рассаживались старики с неперменной бородой; по бокам от них восседали активисты. Вокруг помоста обычно толпились ведущие митинг и их подручные, помощники и посыльные. Группа клакеров-"свистунов" располагалась по бокам амфитеатра. В их задачу входило по условному знаку освистывать нежелательного оратора. Наоборот, единомышленнику, своему, часто заранее подготовленному, следовало рукоплескать и всячески выражать знаки одобрения.

Иногда на таких сборищах выступали бывшие начальники, "обиженные" прежним режимом, - снятые со своих постов. Но тон задавали неформалы, внушавшие присутствующим, что дудаевская авантюра и есть национально-освободительное движение. Они-то и начали соревноваться в шельмовании не только партноменклатуры или представителей свергнутой Дудаевым законной власти, но и тех, кто не выражал вслух свой восторг происходившим. Речи таких ораторов, зажигательные, как китайские хлопушки, возбуждали и будоражили людей. Они оставляли после себя чувства ненависти и подозрительности одновременно. Угрозы раздавались в адрес "бывших", включая членов последнего демократически избранного состава Верховного Совета ЧИ АССР.

Широко использовались слухи один нелепей другого. "Разоблачали", как правило, партократов, по тем же слухам замышлявших какие-то козни против народа. Причем

особое внимание уделялось тому, какой национальности жена у шельмуемого руководителя, с кем он связан родственными отношениями. Это была как бы прелюдия выступлений. Затем следовали проклятия и угрозы, сопровождавшиеся громкими криками одобрения и выражением готовности "сокрушить гидру, угрожающую независимости Чечни...". Я еще тогда обратила внимание, что многие на таких собраниях зачастую не знали, о чем или о ком идет речь, но чувством вражды и готовностью к расправе над неизвестным врагом проникались многие, заразившись агрессивностью на митинге.

Потом стулья, нередко скрепленные между собой по десятку, раздвигались по сторонам, и на освободившейся площадке начинался зикр - движение людей по кругу, переходящее в бег во все более быстром темпе, иногда и с музыкальным сопровождением². Через некоторое время утомленные "зикристы" по одному или по несколько человек выскакивали из круга и направлялись к берегу реки Сунжи. Здесь над открытым огнем были установлены огромные, взятые с местного мясокомбината чугунные котлы, в которых варилось мясо. Скотину резали тут же, выбрасывая внутренности в реку. Мясо варилось большими кусками и подалось на месте за длинными, грубо сколоченными столами. Целые стада крупного рогатого скота, отары овец съели тогда митингующие.

Первые партии продовольствия были оплачены главами кланов, жаждавшими отстранить от власти Д. Завгаева. Потом местные начальники "калибром" поменьше, снятые с должностей за нарушения и мздоимство, поставляли совхозную скотину на прокорм митингующих в надежде на вознаграждение уже от новых властей. По существу, это они и подпольные цеховики, главы кланов давали деньги на весь этот шабаш... И снова митинг, нелепые речи, вновь обильная мясная еда, все тот же бессмысленный бег по кругу и оранжевое марево над головами митингующих - кликушествующих людей, иступленно призывающих свою погибель...

На митингах "потрепанные" огнюдь не аскезой личности грозились, что "самолично будут сшибать с неба российские самолеты, протыкая их посохами", если начнутся бомбежки республики. А дежурные ораторы снова и снова проклинали партократов и угрожали России. Даже малейшее напоминание о том, что это - великая страна, естественный, Богом данный сосед, достойный уважения, что ни в коем случае нельзя ввязываться в войну с русскими, вызывало угрозы и улюлюканья дудаевцев.

ОНС: А какие приемы использовались сепаратистской верхушкой для разжигания непосредственно военной истерии?

Г. З.: Эта методика состояла в сознательном, злонамеренном, циничном обмане. Через местные СМИ на головы чеченцев обрушилась волна лести: они-де самые свободолюбивые и храбрые. Что было не идеализацией, а грубой, примитивной, дурманящей лестью, рассчитанной на то, чтобы опьянить ею людей и заставить их делать то, чего добивался льстец - воевать и тем погубить себя. Этому сопутствовали непрестанные напоминания об обидах прошлого, требования восстановить историческую справедливость и вернуть народу независимость с выплатой компенсации за ущерб, причиненный столетней колонизацией, угрозы взорвать и уничтожить Россию, овладев ее атомным и бактериологическим оружием...

ОНС: Много ли пострадало грозненцев в этих безумствах?

Г. З.: Начавшиеся насилия и убийства были системой. Во время организованного Дудаевым разгона Верховного совета от рук разъяренной толпы, науськиваемой одним из новоявленных предводителей, погиб председатель Грозненского горисполкома В. Куценко; среди бела дня был расстрелян проректор университета А. Бислиев, попытавшийся помешать похищению ректора университета В. Кан-Калика (впоследствии он был найден убитым). Менее известным жертвам того сепаратистского шабаша несть числа. Оружия было вволю, его пускали в ход на каждом шагу по любому поводу или совершенно без всякого повода.

² Обряд зикр - атрибут религиозной практики некоторых суфических братств (тарикатов). Суфизм - мистический вариант суннитского направления в исламе [Торваль, 2001, с. 234 - 236].

ОНС: В такой ситуации, естественно, не щадили и культурные ценности?

Г. З.: Сепаратисты давали выход своей деструктивной энергии и в актах бессмысленных разрушений, вандализма. Так были уничтожены архитектурные памятники Грозного, разграблены местный Музей изобразительного искусства, Республиканский краеведческий музей, содержащий бесценные реликвии истории народа, архивы. Взамен сепаратисты предлагали учредить хранилище своей "революционной славы": для него стали собирать значки с изображениями Дудаева, ленточки с арабской вязью, оружие и другую атрибутику. Началась эпидемия переименований улиц, площадей, парков, учреждений. Среди тех, чьи имена удостоивались увековечения, были даже обычные уголовники, убитые при криминальных разборках.

Сначала уничтожили памятник В. Ленину, потом - поэту А. Полежаеву и писателю А. Чехову возле республиканской библиотеки его имени. Конечно, это были только памятники... Но мне казалось тогда, что вместе с ними люди разрушали свои души, поддаваясь первозданному диким инстинктам агрессии и ненависти.

ОНС: В тот период в региональной, а иногда и в центральной прессе муссировался тезис, будто вырвавшись из железных объятий "имперской" России, любой субъект Федерации, любая территория начнет немедленно процветать. Удалось ли мятежникам в Чечне добиться хоть каких-либо результатов в области экономики?

Г. З.: В результате дезориентирующей обработки общественного сознания возникает некая искаженная реальность, представляющая смесь из совершенно фантастических планов нового национального обустройства. Прожектерство в военной сфере не могло не перекинуться на внутреннюю политику, на хозяйственные дела. Невежество тут было феноменальным: лидеры сепаратизма понятия не имели об экономике государства. Дело доходило до конфуза. Когда в первые дни президентства Дудаева на должность временно исполняющего обязанности председателя правительства посадили бывшего лидера "Движения зеленых", тот стал подписывать договоры о поставке чеченской нефти в другие регионы на ближайший год. Но оказалось, что объем поставок по этим договорам превышал годовую нефтедобычу в республике в сотни раз! Незадачливый распорядитель, видимо, считал, что нефти в республике будет столько, сколько он подпишет договоров на ее поставку.

Экономическая политика уже в течение первого года правления режима привела к полному развалу промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения, медицины. "Можешь - тащи, а не можешь - терпи и молчи", - комментировал по местному телевидению президент положение дел в республике. Один из старейших в стране заводов по производству нефтяного оборудования - "Красный Молот" - был разворован. Та же участь постигла сельхозтехнику и общественный инвентарь бывших совхозов и колхозов. Частными лицами было присвоено и все наличное поголовье общественного скота, а урожай того года при публичном одобрении генерала-президента растащили еще до его полного созревания... В конце концов, украли и продали все, даже трамвайные провода и рельсы. А закончились "экономические реформы" тем, что почти в каждом огороде выкопали дыры-колодцы для выкачивания низкосортного нефтесодержащего конденсата.

Словом, с момента дудаевского переворота в республике наступил полный паралич всякой хозяйственной деятельности за исключением нефтеперерабатывающей отрасли, доходы от которой распределялись исключительно среди верхушки сепаратистского режима и ее ближнего круга³. В этой ситуации Дудаев нередко озадачивал население своими заявлениями, так что затруднительно было понять, шутит ли он или говорит всерьез. Уже в период блокады, когда возникли трудности со снабжением населения товарами первой необходимости, генерала спросили: "Скажите, что же делать пенсионерам? Пенсии не выплачивают, еду не на что купить. Неужто с голоду помирать? Как быть учите-

³ Десять лет спустя стало известно, что продажа нефти, обеспечивавшая личное обогащение президента самопровозглашенной Ичкерии и его клана, осуществлялась беспрерывно даже в период объявленной блокады со стороны России [Келиматов, 2003, с. 286 - 291].

лям, врачам, ученым? На что им жить?". "Пусть профессора делают гвозди из проволоки - у нас ее много. Бабки пусть носки вяжут. А учителя могут по лесам дикие яблоки, груши, шишки или черемшу собирать", - был ответ главы государства.

Глубоко ошибается тот, кто сочтет такие заявления проявлением неадекватности его мышления. Нет, клоунада, грубые солдафонские прибаутки, сальные анекдоты и шутки президента Дудаева составляли его политический стиль. Игра на публику затевалась для того, чтобы уйти от ответов на прямые вопросы: что же на самом деле происходит в республике? Куда мы идем?

Шли к войне - жестокой, братоубийственной, коммерческой, грязной, что было запланировано с самого начала. На этом фоне особенно дикими и нелепыми выглядели прожекты мятежников по строительству новой Чечни, естественно, не опиравшиеся ни на экономические выкладки, ни на научные обоснования, ни на народные традиции. Так, одной из главных идей новых правителей, озвученной ставшим вице-президентом Ичкерии Яндарбиевым, стало перенесение на новое место ее столицы, получившей название Турпал-Кала (Город витязей). Никто из сепаратистов и не помышлял заняться подсчетами расходов на ее строительство, на содержание представительных, исполнительных, судебных органов, чиновников управленческого аппарата независимого чеченского государства. Никто не задумывался над тем, справится ли с такими расходами нищенский бюджет республики. Перефразируя слова известного этнографа В. Тишкова, поборников идеи этнического самоопределения любой ценой волновали не приземленные финансовые вопросы, а дележ постов и власти⁴.

ОНС: В российских СМИ и в начале чеченского конфликта, и сейчас много писали и пишут о криминализации так называемой Ичкерии. Соответствует ли это Вашим непосредственным наблюдениям?

Г. З.: Реальное наполнение всякой власти - поддержание порядка и законности - мятежники изначально компенсировали не только идеологическим прессингом и разжиганием массового психоза, но и террором. Убийства политических противников, даже просто случайных свидетелей грязных дел, становились повседневностью. Все это должно было породить у людей страх, подавить у них волю к сопротивлению режиму, и уголовникам в этом отводилась "важная" роль⁵. Поэтому-то генерал-президент освободил всех осужденных из мест заключения (а затем в Чечню хлынули криминальные элементы со всей страны, еще более дестабилизируя обстановку, усугубляя социальную и криминогенную напряженность). Выпущенные из тюрем и колоний опасные преступники наводили ужас на горожан. И если сначала все беды обрушились на так называемых "русскоязычных", то потом настала очередь самих чеченцев. Увы, Чечня при Дудаеве действительно превратилась в криминальный "отстойник", стала центром контрабандной торговли оружием, нефтью, наркотиками. Причем много позже стало известно, что пути контрабанды, пролежавшие через Россию, не прерывались даже в пору самой жесткой блокады республики. Так что сепаратизм породил невиданные прежде коррупцию и криминализацию общества - первоосновы экономического коллапса. Рядовые жители республики оказались в отчаянном положении: не работали школы, учебные заведения, нечем было кормить детей, и люди были вынуждены примешивать в пищу комбикорм. Словом, все признаки социального коллапса были налицо.

ОНС: Ваш рассказ - свидетельство того, какую деструктивную роль в жизни любого народа может сыграть этническая мобилизация. В этой связи хотелось бы узнать, дей-

⁴ Точно эта оценка звучит так: "Отчаянным борцам за независимость не важно, сколько имеется налогоплательщиков для самоопределения, важно, чтобы кто-то в итоге стал "президентом" или "министром" Чечни" [Тишков, 1999, с. 9].

⁵ Анализируя данную ситуацию, историк А. Попов справедливо отметил, что "без наличия криминальных элементов... без массового выхода вооруженных уголовников на авансцену "национально-освободительной борьбы", без срастания ее с нелегальной торговлей оружием, нефтепродуктами и "живым товаром" в виде заложников не обходится практически ни один из известных межнациональных конфликтов" [Попов, 1997, с. 287].

ствительно ли она была тотальной, охватившей все титульное население республики? К слову, именно так это преподносит российская националистическая пресса, муссирующая идею невозможности проживания на одном социально-политическом пространстве русских и чеченцев.

Г. З.: Без малейшей натяжки и преувеличения можно характеризовать теорию и практику сепаратистов не только как дилетантизм, прожектерство, повальные грабежи и хаос, но и этническую мобилизацию - продуманную технологию обработки сознания людей в националистическом духе. Полная духовная прострация, эрозия выношенных веками духовных и нравственных ценностей, а затем горькое и глубокое разочарование, апатия - таковы результаты сепаратистского манипулирования в Чечне. По моему убеждению, во всем этом видна не столько вина, сколько беда народа, который был введен в заблуждение, предан и продан лжеэлитой. Национал-карьеристы и "этнические предприниматели", ищущие власти, денег, комфорта за счет здоровья, чести, достоинства и жизни самого народа, были готовы строить свое благополучие на костях тех, для кого они якобы добивались создания национального государства.

В заключение я хотела бы сказать доброе слово о людях всех национальностей, проживавших в республике, не поддавшихся мобилизационному психозу. Они нашли в себе силы в нечеловечески трудных условиях сохранить честь и достоинство, не унизив себя националистическим безумием, ненавистью и озлоблением. Во время путча и начавшейся затем войны все мы, жители республики, особенно остро ощутили, что принадлежим к единой семье простых людей. Мы вместе переносили тяготы и лишения, спасались в подвалах от бомбежек и обстрелов, делились последним куском хлеба и глотком воды... Ведь ни бомбы, падавшие с неба, ни снайперские пули, косившие нас, не разбирали ни национальности, ни религии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аслаханов А. Интервью // Объединенная газета. 2004. N 18 (50).

Келиматов А. Чечня: в когтях у дьявола или на пути к самоуничтожению. М., 2003.

Попов А. Причины возникновения и динамика развития конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.

Тишков В. А. Феномен сепаратизма // Федерация. 1999, N 3.

Торваль И. Мусульманская цивилизация. Энциклопедический словарь. М., 2001.